

Ли Чэнь сжался за партой, спрятав зятанутые в рукава ладони под локти.

Шла середина марта, и температура за последние дни совершила безумный скачок с восьми до двадцати двух градусов. Одноклассники привычно рассовывали тонкие пуховики по выдвижным ящикам «на всякий пожарный» и, жалуясь на духоту, наперебой хвалили погоду: наконец-то наступила настоящая весна.

Похоже, одному Ли Чэню всё ещё было прохладно.

Может, организм просто отказывался верить этим температурным качелям — то в холод, то в жар, словно при закалке стали, — и не верил, что снаружи действительно потеплело. А может, за полтора года с момента перевода он так и не приспособился к климату этого цзяннаньского городка.

По кабинету разливался тёплый кофейный аромат — из капсульной кофемашины, притаившейся в углу. Она появилась в начале семестра, в самый нужный момент: поднять дух и снабдить дозой кофеина изнурённых перед важным объединённым экзаменом выпускников. Ученицу, приволокшую эту спасительную технику, иначе как Богом кофе и не величали. И хотя та драла за каждую капсулу по десять юаней, народ охотно вносил предоплату, а классный руководитель благодушно закрывал на это глаза.

Как только разбор результатов объединённого экзамена завершился, Бог кофе великодушно сбросил цену до восьми и восьми. Переварившие текстовый анализ ученики тут же нарекли это «искусством заключать сделки» — вот оно, настоящее «Искусство заключать сделки».

Классная руководитель после разбора объединённого экзамена тоже отличилась заботливой речью: призвала не заикливаться на баллах, больше отдыхать и соблюдать баланс между учёбой и покоем.

Впрочем, педагог явно переоценила благоразумие старшеклассников. Дорвавшись до свободы, эти гиперактивные обезьяны тут же врубили режим полной безалаберности. В классе расцвёл пышный букет из всевозможных ритуалов и эзотерики — хаос закипел с небывалой силой.

Вот, к примеру, ученик с передней парты перед каждым уроком английского чеканил с подчёркнутой расстановкой: «Abandon, abandon, abandon!» — сопровождая это выкрутасными пассами рук. И хотя искренняя вера в его глазах трогала до слёз, его великой мечте — отмене Гаокао по английскому — вряд ли суждено было сбыться в этом июне.

В ход шло всё: интроверты и экстраверты, восточные и западные гадания. Кто-то по совету нейросети углубился в изучение кристаллов удачи Пяти Элементов и наткнулся в сети на «подлинного скандинавского шамана», обещавшего зарядить кристаллы заклинаниями Юго-Восточной Азии. К счастью, классная молниеносным кибер-броском перехватила инициативу и вовремя пресекла масштабную закупку у мошенников. Нашкодившие ученики быстро протрезвели, пустили перед учителем слезу и со всей пролетарской ненавистью свалили вину на ИИ: дескать, это был коварный заговор искусственного интеллекта по уничтожению

честных выпускников, да и вообще контора, торгующая кристаллами, явно тайно проинвестировала разработчиков бота!

Классная сурово промолчала и просто вызвала специалиста по кибербезопасности с лекцией о борьбе с мошенничеством.

После этого «сайбер-гадания» увяли, и народ переключился на новые забавы. Как, например, сейчас: подойти к кому-нибудь и с выражением зачитать его статус в соцсетях.

Ли Чэню «не повезло» ещё на прошлом перерыве. Впрочем, его статус состоял из одной классической цитаты, придраться там было не к чему, так что он без всякого давления наблюдал за тем, как зачитанные до слёз одноклассники стенают от стыда.

И вдруг сквозь этот уютный хохот прорезалось отчётливое, раздражённое «Цыц!», а следом — ещё более резкое:

— Я же сказал, мне это неинтересно.

Атмосфера в кабинете мгновенно подмёрзла.

Ли Чэнь прищурился и обернулся. Ну конечно. Кто бы сомневался. Снова этот высокомерный тип — Цзо Хэн.

Цзо Хэн был, пожалуй, единственным человеком в классе, к кому Ли Чэнь испытывал стойкую неприязнь. И на то имелись причины.

С момента перевода в десятом классе Ли Чэнь встречал лишь дружелюбие. Никакого пафоса или отчуждения, о котором ходили слухи. В этом элитном классе, где каждый второй был гением, Ли Чэнь и ещё пара человек не ходили на олимпиадные спецкурсы, но изгоями себя не чувствовали. Прекрасный школьный двор, старинная архитектура, ухоженные бездомные коты, подкормленные школьным зоозащитным кружком... Место было чудесное. Для Ли Чэня здесь не было плохих людей — пока в этом семестре его не отсадили на заднюю парту, где он и обнаружил существование этого невоспитанного сноба.

Впрочем, в смене парты был виноват сам Ли Чэнь. Переведясь в школу с ростом 165 сантиметров, за полтора года он вымахал до 181. Парни наперебой завидовали «чуду природы». На самом деле Ли Чэнь просто пошёл в школу раньше и был младше одноклассников на год, так что скачок роста был вполне естественным.

Оказавшись сзади, Ли Чэнь быстро обратил внимание на Цзо Хэна с соседнего ряда. У парня был скверный характер.

Если быть объективным, Ли Чэнь знал Цзо Хэна плохо. Весь его багаж знаний ограничивался

тремя фактами:

1. Цзо Хэна зовут Цзо Хэн. Фамилия — Цзо, имя — Хэн.
2. Цзо Хэн выше Ли Чэня, но буквально на полвершка.
3. На объединенном экзамене Цзо Хэн снова занял первое место.

Больше о нём Ли Чэнь не ведал ничего. Но тут уж дело было не в Ли Чэне: этот парень, похоже, ни с кем в классе не общался.

Ли Чэня не раздражало имя Цзо Хэна, его рост или статус первого ученика. Его не бесила даже привычка Цзо Хэна держаться особняком — интровертов надо понимать и уважать. Но никто не имеет права вести себя хамски. Особенно когда тебе протягивают руку дружелюбия. За месяц с небольшим Ли Чэнь трижды видел, как Цзо Хэн резко отшивал людей. Не хочешь участвовать в дурачествах — дело твоё, но зачем грубить? С чего это он возомнил, будто ему всё дозволено?

Странно, но, кажется, один Ли Чэнь видел в этом проблему. То ли южане были слишком отходчивыми, то ли одноклассники балансировали между упорными попытками наладить контакт и уважительной дистанцией. В итоге Ли Чэнь решил, что просто обязан восстановить справедливость и призвать заносчивого типа к порядку.

Двое ребят, которых только что отшил Цзо Хэн, мнулись в замешательстве. Ли Чэнь подошёл, подмигнул им и подхватил телефон. Придвинув стул, он уселся прямо напротив Цзо Хэна и с ядовито-милой улыбкой произнёс:

— Цзо Хэн-тунци.

Цзо Хэн остался с тем же каменным лицом.

М-да. Экой парень симпатичный, а рот откроет — хоть святых выноси.

Стычка двух противоположностей тут же привлекла внимание. Если для Ли Чэня это был акт правосудия, то для остального класса — шоу: их любимчик снова лезет дразнить местного социопата-гения. Возле их парт образовался кружок зрителей.

А вот для самого Цзо Хэна... Едва Ли Чэнь с улыбочкой подсел к нему, тот мгновенно включил режим повышенной боеготовности.

Цзо Хэн был искренне сбит с толку поведением Ли Чэня.

Если объективно, Цзо Хэн о Ли Чэне тоже знал от силы три вещи:

1. Ли Чэня зовут Ли Чэнь.
2. Они одноклассники.
3. С начала этого семестра Ли Чэнь постоянно ни с того ни с сего заводит с ним разговоры.

Всё. Но для Цзо Хэна это было нормой, он и про остальных ничего не знал. Так какого черта тот опять припёрся?

Выразительное чтение Ли Чэня прервало мысли Цзо Хэна:

— «Весь мой путь — это путь от одиночества к людям».

Красивый статус, оценил про себя Ли Чэнь. Надо будет запомнить и зауглеть, откуда цитата.

Ли Чэнь выжидательно уставился на Цзо Хэна. Тот тоже смотрел на него, чуть намупив брови — словно решал в уме сложную теорему и вообще не слушал. Ли Чэнь аж усомнился в себе: неужели сбился? Заглянул в экран — нет, всё верно, статус Цзо Хэна.

Он что, так и будет молчать?

—... Цзо Хэн, ты ведь знаешь эту фразу?

— Знаю.

— Ну и почему никакой реакции?

Цзо Хэн искренне не понял:

— А какая должна быть реакция?

Ли Чэнь привёл в пример других:

— Ну, скажи, что тебе нравится твой статус, или что тебе всё равно, или что тебе неловко, когда его зачитывают вслух... Да что угодно скажи!

Цзо Хэн подумал и сухо отчеканил:

— Мне нечего сказать.

Ли Чэнь замер. Цзо Хэн смотрел на него в ответ.

Несколько секунд они молча гипнотизировали друг друга. Ли Чэнь заметил, что Цзо Хэн начинает закипать, и его ядовитый язычок снова готовится выдать какую-нибудь колкость.

— О-о-о, теперь я всё понял! — громко воскликнул Ли Чэнь, привлекая внимание класса. Он протянул руку, кончиком пальца легенько коснулся щеки Цзо Хэна и изобразил на лице глубочайший шок: — Наш отечественный ИИ развился слишком сильно! Это же самый настоящий бот!

Класс взгремел от смеха.

Цзо Хэн на рефлексх попытался цапнуть Ли Чэня за руку, но тот ловко увернулся, отдал телефон однокласснику и показал Цзо Хэну язык.

Цзо Хэн даже не заметил эту рожицу и не обратил внимания на хохот вокруг. Он был сфокусирован на увиливающей руке. Выждав момент, он резко выбросил ладонь и шлёпнул Ли Чэня по тыльной стороне кисти.

Удар вышел лёгким, словно строгий воспитатель в детсаду пожурил балованного ребёнка.

Ли Чэнь на секунду обомлел, но тут же наигранно ойкнул, сжался и сделал самое невинное лицо на свете, демонстрируя, что он тут вообще ни при чём.

Цзо Хэн заколебался. Он же рассчитал силу, шлёпнул совсем слабо! Но Ли Чэнь реально скривился от боли. Это не сходилось.

Пришлось уточнить:

—... Больно?

Ли Чэнь послушно кивнул:

— Врёшь, больновато.

В эту секунду Ли Чэнь вспомнил все самые печальные события в своей жизни, только бы не заржать.

Цзо Хэн чуял подвох, но факт оставался фактом. «Может, у него повышенный болевой порог?»

— подумал он. Доказательств обратного у него не было. С другой стороны, Ли Чэнь мог притворяться — обычные ребяческие дурачества между друзьями. Но они не были друзьями, с чего бы Ли Чэню дурачиться с ним?

И хотя внутри оставались сомнения, Цзо Хэн решил уладить инцидент. Он молча указал Ли Чэню положить руку на стол. Затем взял его за кисть и внимательно осмотрел: ни красноты, ни следов. Слегка сжал — Ли Чэнь даже не поморщился. Значит, боль была мгновенной и уже прошла. Ничего страшного.

Для верности Цзо Хэн уточнил:

— Сейчас болит?

Ли Чэнь, чью руку всё ещё сжимал и ощупывал Цзо Хэн, просто впал в ступор:

—... Э?

Цзо Хэн не понял этого «э» и насупился. Он хотел было расспросить подробнее, но раздался звонок на урок. Учитель уже шел по коридору.

— Это моя вина, — отпустил руку Ли Чэня Цзо Хэн, заговорив тоном протокола. — Визуально повреждений нет. Если будут проблемы — обращайся, я понесу ответственность. А теперь иди, урок начинается.

Ну надо же, повелительное наклонение!

Этот тип умудрялся даже извинения и обещание «понести ответственность» произносить с таким ледяным видом, будто цедил сквозь зубы сосульки. Ни капли человеческого тепла!

«Понесёт ответственность», надо же.

Ли Чэнь послушно кивнул:

— Ладненько~ Слушаюсь и повинуюсь, Цзо Хэн-тунци! Чуть что — сразу к вам~

Соседние ученики прыснули от тона Ли Чэня, но Цзо Хэн уже уткнулся в учебник, лишь буркнув сухое «хм».

Обернувшись к своей парте, Ли Чэнь больше не скрывал ехидной ухмылки.

А это любопытно.

Похоже, он ошибался насчёт Цзо Хэна.

Этот заносчивый тип вовсе не был высокомерным снобом.

Он был скорее... истуканом. Неотесанным чурбаном.

У этого чурбана были свои странные алгоритмы. Он не любил, когда его беспокоят, но никакой злобы в нём не было.

И Ли Чэню ужасно захотелось разобраться, как работают эти алгоритмы.

Кажется, будет весело.

Впрочем, пока рановато делать выводы — надо понаблюдать.

Когда учительница английского вошла в класс, Ли Чэнь как раз уселся на место, встретив её ослепительной виноватой улыбкой и снова спрятав руки в рукава.

<http://bllate.org/book/19818/1990144>